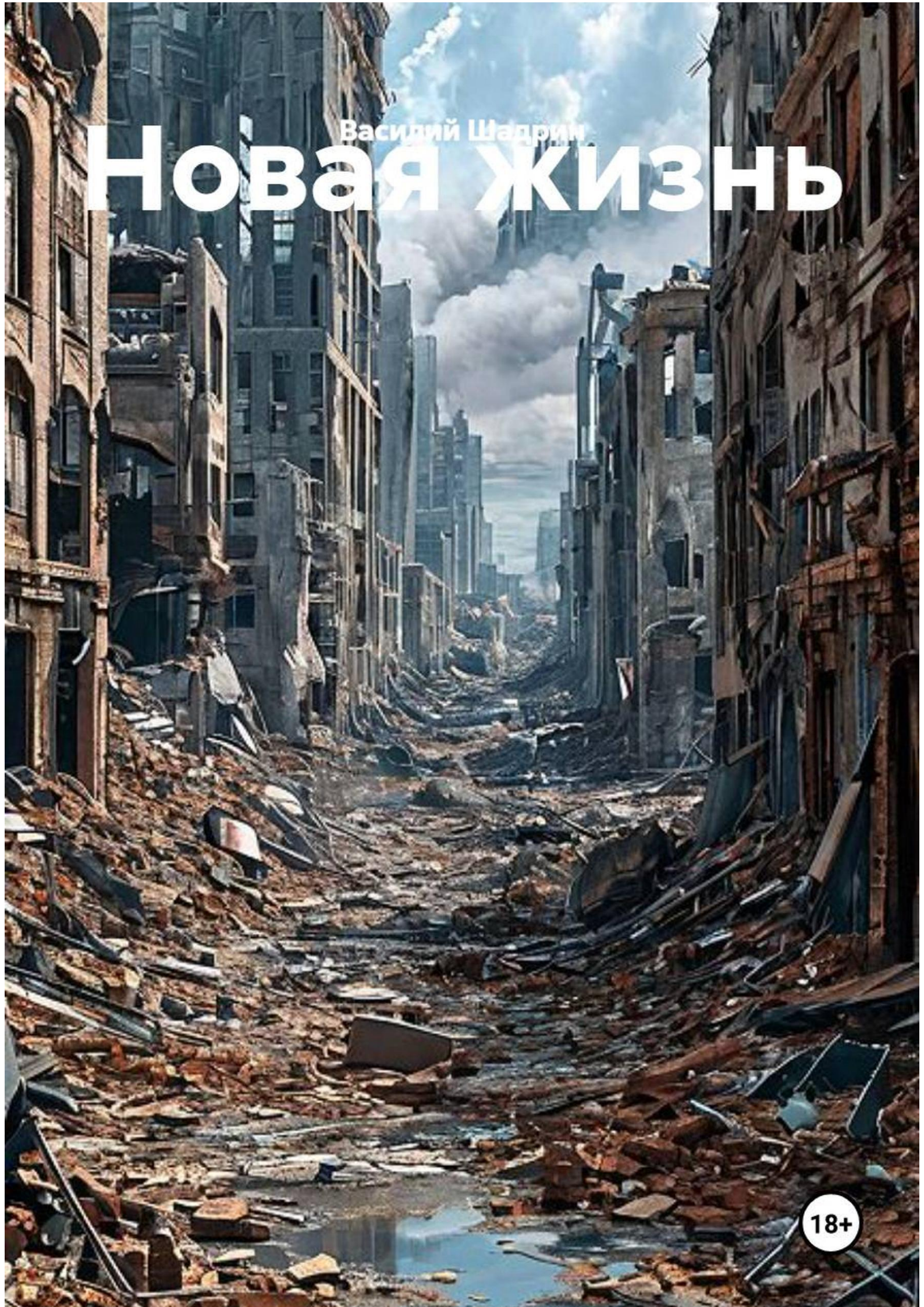

A photograph of a destroyed city street. The street is filled with rubble, debris, and smoke. The buildings on either side are heavily damaged, with many windows missing and structural elements exposed. The sky is blue with some clouds. The overall scene is one of devastation and destruction.

Василий Шадрин

Новая жизнь

18+

Василий Шадрин

Новая жизнь

«Автор»

2026

Шадрин В.

Новая жизнь / В. Шадрин — «Автор», 2026

Только битый кирпич с кусками арматуры и обломки зданий. Это все что осталось от прежнего мира. Человечеству дан еще один шанс. Последний.

Василий Шадрин

Новая жизнь

Новая жизнь.

Первая часть.

Никто не знает, сколько выживших осталось в мире. Даже примерно. Даже на одном материке. Человечество гибнет — это факт.

Что случилось — неизвестно. Одни говорят, что виноваты Штаты. Другие — что мы. Третьи шепчутся, что это была провокация, которая вышла из-под контроля. А некоторые до сих пор твердят, что Северная Корея с Ираном решили покарать Запад и нести божественную справедливость в мир. Но все эти версии появились уже после того, как города перестали существовать.

Прошло тридцать лет с начала войны, в которой погибла цивилизация. И до сих пор никто не знает правды.

Наиболее осведомлённые говорили, что могла произойти ошибка в системе раннего оповещения или изменение в Гольфстриме. Даже огромный отколовшийся кусок льда от побережья Антарктиды мог сбить с толку ПРО.

Раньше только и разговоров было, как да почему. Теперь никому нет дела до поиска виновных. Главная задача — выжить. А это с каждым годом становится всё труднее. И каждый прошедший год мы уверены, что он был последним.

Мне тридцать шесть лет. Мне повезло — я дожил до своих лет благодаря тому, что когда я был маленьким, ещё можно было достать прививки и лекарства. Хотя и с трудом. Моё поколение и старшие ещё не испытывали особенных трудностей. Но то, что было дальше, кто-то может назвать чудовищным и бесчеловечным.

Чтобы выжить как виду, человеку пришлось размножаться как на заре своего становления. Девочки рожали в тринадцать, и к двадцати годам они успевали родить от пяти до восьми детей, если не умирали от истощения. В условиях полного отсутствия медицинской помощи, частого голодания, чудовищной радиации и страшных зим, которые могли случаться по несколько раз за месяц.

Сегодня мне повезло. Я подстрелил пять кошек. Почти рекорд.

Этих тварей вообще трудно убить. У них взрывные мышцы, благодаря которым они перемещаются почти молниеносно. Но это отнимает у них слишком много сил, и после третьего или четвёртого прыжка они сильно замедляются. При должной сноровке не составляет труда перестрелять их как кур.

Они являются потомками обыкновенных кошек, населявших землю повсюду, где был человек. Помню, в детстве я тыкал палкой одну из них — дохлую.

— Так ты поможешь? — его голос вернул меня из воспоминаний о детстве.

Я нашёл его, когда возвращался в бункер после охоты. Гады загнали его, и ему ничего не оставалось, как нырнуть в плющ. Вместе с добычей, чтобы она им не досталась.

Гадов ненавидят. Они каннибалы. От инцестов они практически утратили человеческий образ. Но каким-то невообразимым способом стали малочувствительны к радиации. Правда, платили за это высокую цену: их кожа гнила и обновлялась несколько раз в сезон. И это требовало много пищи.

— Так что, родной? Поможешь?

— Спи спокойно, воин. Я не отдам тебя на растерзание. Ты найдёшь свой рай.

Я не смотрел на него и делал вид, что занят арбалетом. Когда он прикрыл глаза и слегка отвернул голову, я всадил болт ему в висок.

Присев рядом с ним, я смотрел на него. Молодой. Может, лет на пять младше. Шрамы от старых химических ожогов на лице. Руки сильные, тоже в шрамах. Видно, хороший был воин. Но плющ!.. Однажды обняв, он приговаривает к долгой и мучительной смерти. Тысячи мелких иголок прорастают изнутри.

— Спи спокойно, воин. Я не отдам тебя на растерзание. Ты найдёшь свой рай.

Это были ритуальные слова. Их жаждет услышать каждый перед неминуемой гибелью.

Пока плющ не начал действовать, он успел рассказать мне о своей общине. Она достаточно большая. У них есть даже куры. Живут они в метро, которое сумели превратить в форпост. Имеют лабораторию, а благодаря большой площади смогли даже вырастить немного хлеба. Правда, они его не едят — копят зерно. Ещё у них есть колодец. У нас тоже никогда не было проблем с водой, но чтобы её добыть, приходилось идти на реку вооружённым отрядом в ранние утренние часы.

Пора выбираться из этого подвала. В нём два выхода, и ни один я не смогу полностью контролировать.

На руины города упали сумерки, и это было лучшее время для передвижения. Вечер и утро. Зверьё делилось на ночных и дневных охотников. Одни ещё не проснулись, другие уже наелись или устали.

Только не гады — эти могли сутками охотиться. Благо у них не хватало ума самим делать оружие, а то всем пришлось бы несладко.

Я внимательно осмотрел улицу, не высовываясь из проёма, и осторожно вышел. Мой схрон находится в километре отсюда, на севере.

Пока шёл, я пропустил собаку. Она была далеко и не учуяла меня. Мясо у них вкусное и сытное. Особенно у этой — она не была заражена радиацией. Но я не стал рисковать. Добыча у меня была очень даже неплохая: пять кошек и дикие яблоки. Это просто подарок.

У схрона я спрятался и затаился. Нужно было убедиться, что со мной не увязались гости. Схрон для каждого был тайным убежищем, почти священным местом. Иногда о них не знали даже свои.

Не увидев ничего подозрительного, я обошёл руины и спустился вниз. Здесь я мог полностью расслабиться. Система сигналов о вторжении осталась нетронутой. Я мог бы остаться здесь навсегда, но долг перед людьми каждый раз возвращал меня в общину. К тому же трое моих детей зависели от меня. Воинов у нас было достаточно для охоты, но недостаточно для войн. А войны были всегда.

Я зажёл свечу, и в помещении сразу завоняло. Свечи были сделаны из сомовьего жира. А воняли сомы знатно. Их никто не ел, зато додумались делать из них свечи и факелы.

Азбукой Морзе я передал сообщение, что нахожусь в контрольной точке. Вообще-то я бы пожал руку тому гению, кто придумал этот способ передачи. Да, были сложности с прокладкой кабелей до точек. Но стратегически это было превосходно.

Я выпил спирт и отвар, который выводит радиацию, и лёг спать.

Ночь была глухой. Я уже почти провалился в сон, когда где-то наверху что-то щёлкнуло. Сигналка. Я вскочил, схватил арбалет, прижался к стене.

Снаружи — ни звука. Потом тяжёлый вздох, хруст гравия, и глухое рычание. Я не поверил своим ушам. Высунулся — и увидел её. Дикую свинью. Огромную, лоснящуюся, с кривыми клыками. Она рылась в мусоре прямо возле входа в мой схрон.

Я медленно натянул тетиву. В голове билась одна мысль: «Если взять её, община будет сыта неделю. Мясо, жир, кожа». Я прицелился. Она подняла голову, посмотрела прямо на меня — и вдруг сорвалась с места. Хряк, только хвост мелькнул между руин.

— Чтоб тебя! — выдохнул я.

Выстрелить не успел. Она ушла. Джекпот ушёл. Я постоял, сжимая арбалет, потом вернулся в схрон, закрыл дверь и лёг. Злость мешалась с усталостью. Думал что не усну, но отключился почти мгновенно.

Проснулся от тепла. Сначала я не понял, что происходит. Печка работала. Я точно помнил, что гасил её перед сном. Кто-то сидел на корточках у печи и аккуратно подкладывал сухие щепки.

Я не шевелился. Арбалет лежал в полуметре, но я не мог дотянуться, не выдав себя.

— Не дёргайся, — сказал он не оборачиваясь. Голос низкий, спокойный. — Если б я хотел тебя убить, ты бы не проснулся.

— Кто ты? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовал.

— Путник, — он подкинул ещё одно полено. — Я иду с юга. Увидел дымок из вентиляции. Думал, там брошенный бункер. А там ты.

— Как ты вошёл?

— Твоя дверь — она надёжная, но недостаточно.

— Ты долго здесь?

— С полчаса, — он повернулся. Лицо худое, заросшее, с внимательными глазами. — Сидел, слушал твой храп. Думал сюда все собаки сбегутся.

— Я не храплю.

— Храпишь. Но это не страшно.

Он усмехнулся, протянул мне кружку с горячим.

— Пей. Там отвар. Я тоже делаю такие. И ничего, что я чужой?

— Ты уже здесь. Если б хотел убить — я бы не проснулся. — Я взял кружку.

— Умный. — Он кивнул. — Я из метро.

Метро.

То самое метро. Куры. Лаборатория. Колодец. И человек, который говорил о нём перед смертью.

— Ты знал того парня, что погиб в плюще?

Он помолчал, поставил кружку на пол, не сводя с меня глаз.

— Значит, ты — тот, кто его добил?

Я не ответил. Он кивнул, чуть склонив голову, и сказал тихо:

— Я пришёл забрать его тело.

— Зачем тебе это? — спросил я, не отрываясь от кружки. Отвар был крепким, горьковатым — как раз то, что нужно после ночи в схроне. — Его тело уже начало прорасти. Снаружи, внутри. Плющ вгрызся в мышцы, он оплёл кости. Если ты его тронешь, иголки войдут в тебя.

— Я знаю, — спокойно ответил он.

— Нет, ты не знаешь. Это не просто заражение. И не просто яд. Плющ — он живёт. Он чувствует тепло. Если ты прикоснёшься к телу, он поймёт, что есть ещё один носитель. И ты уже не сможешь от него избавиться.

— Я слышал об этом, — он не повышал голоса, но и не отступал. — Но я должен привезти его домой. Так принято.

— Принято? — я отставил кружку и посмотрел на него в упор. — Ты знаешь, сколько людей погибло, пытаясь вытащить своих из плюща? Я видел, как двое, крепких, опытных воинов, тронули тело товарища. Через три дня они оба кричали так, что я слышал их за квартал. Кожа слезала с них прямо на ходу.

Он молчал, глядя в огонь.

— Ты хочешь вернуть его тело, — сказал я тише. — Я понимаю. Он был твой друг?

— Брат, — коротко ответил он.

— Брат, — повторил я. — Я видел, как плющ выходил из тела спустя месяц после смерти. Он искал того, кто придёт. Он ждал.

— Ты хочешь сказать, что я должен его бросить?

— Я говорю, что если ты тронешь его, ты умрёшь. И тогда его смерть будет не напрасной, а бессмысленной. Он умер, потому что наткнулся на плющ. Ты умрёшь, потому что он был твоим братом? Это не честь. Это глупость.

Он поднял голову, и в его глазах я увидел не гнев, а усталость.

— Что ты предлагаешь?

— Оставь его там. Или сожги его на месте. Плющ боится огня. Он вспыхивает как сухая трава. Я могу дать тебе немного спирта и факел. Ты сможешь проститься с ним по-человечески. Но если попытаешься тащить его через поражённые территории — ты умрёшь, и никто не узнает, что ты вообще существовал.

Он долго молчал. Потом выдохнул, опустил плечи и сказал:

— Ты знаешь, что такое — возвращаться в общину без брата?

— Знаю, — сказал я. — Я тоже кого-то терял. Но я не возвращался мёртвым. И ты не возвращайся.

— Дай мне факел и спирт, — наконец сказал он. — И покажи место.

— Я покажу, — ответил я. — Но ты пойдёшь за мной на расстоянии. Если ты коснёшься плюща — я тебя убью. Ты понял?

— Понял.

Я вытащил из мешка тряпку, облил её спиртом, обмотал вокруг палки и протянул ему.

— Если он начнёт тянуться к тебе — жги. Не жалей.

Он кивнул и принял факел. Мы вышли из схрона, и я повёл его туда, где вчера оставил тело. Туда, где плющ уже начал своё дело.

Хуже не придумаешь — тащиться обратно, когда ты уже почти дома.

Свою добычу я сложил в подпол: там она может спокойно пролежать сутки. Наскоро подкрепившись яблоками, я выложил всё лишнее из рюкзака. У незнакомца рюкзак был довольно увесистый, но не критично.

Мы вышли, рыская цепким взглядом арбалета по сторонам. Я удовлетворённо кивнул. Напарник оказался хорошо подготовленным. Обычно мы не ждали подлостей от людей, но на всякий случай я присматривал за своим новым попутчиком.

— Как тебя зовут хоть? — спросил я.

— Игорь.

— Меня Саня.

До подвала мы дошли быстро. Два подготовленных спеца — это гроза для района. Главное — смотреть под ноги и не вступить, например, в кислоту. Эта лужа разъест подошву, и остаток пути придётся идти по битым камням, арматуре и стеклу.

— Заходим? — обычно не говорят вслух, а обмениваются жестами. Но мы друг друга не знали, и могло случиться недоразумение.

В подвале всё было без изменений. Мёртвый воин лежал нетронутый. Зверьё чуяло запах плюща и не трогало тело.

— Ты не забрал его оружие, — то ли спросил, то ли констатировал Игорь.

— Плющ. Забыл?

— А почему не стал сжигать?

— Гады были недалеко.

Он полез в рюкзак и вытащил из него что-то вроде мешка, с молнией. Потом вытащил банку с каким-то спреем и обрызгал тело своего брата. Достал пачку сигарет.

— Будешь? — он протянул мне сигареты.

— Я не курю. Чего ждём? — спросил я, поглядывая в проёмы.

— Надо дать немного времени. Сейчас спрей подействует. Иглы размякнут и распадутся.

— Чего?! — опешил я. — А те, что внутри?

— Все распадутся и станут безвредными. Мы так уже километров десять в диаметре зачистили от плюща. — Он достал ещё один флакон и протянул мне. — Вот, держи. Только не слишком увлекайтесь. Там, где не будет плюща, будут мутанты.

— Какие ещё мутанты?

— Ну, вы их зверьём называете.

Когда плющ проникает в тело, оно немного раздувается. Как будто накачивается изнутри. Теперь, когда иглы погибли, тело немного обмякло. Запаха ещё не было. Игорь расправил мешок, дал мне один конец и стал понемногу засовывать тело брата в него, начиная с ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.